

УДК 32

Фактор синергетического эффекта при исследовании номенклатуры и парламентской оппозиции в России начала XX века

Китаев Сергей Викторович

Кандидат политических наук,
доцент кафедры государственного управления и политологии,
Волгоградский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
404131, Российская Федерация, Волжский, ул. Нечаевой, 12-63;
e-mail: kitaevs@mail.ru

Черницына Ольга Владимировна

Аспирант,
Волгоградский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
404131, Российская Федерация, Волжский, ул. Нечаевой, 12-63;
e-mail: chernicynaov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается номенклатура и парламентская оппозиция сквозь призму переломных моментов, присущих России начала XX века. Сложность в оценке происходящих процессов, а также необходимость изучения переломных моментов в истории Российского государства, требуют поиска наиболее универсальных методов исследования данного периода российской истории. Для выявления степени воздействия и изменения исследуемых феноменов авторами используется категориальный аппарат социальной синергетики. Делается вывод о недопущении бифуркационной точки в период ослабления системного контроля и начала самоорганизационных процессов, как единственно возможной стратегии сохранения управляемости систем, недопущения наступления хаотических состояний. Поэтому аппарат репрессий, аппарат насилия является основным инструментом осуществления управления в организационно, линейно управляемых системах. С его ослаблением, возникает хаос, разрушается социальная система, что и произошло с Российской империей в начале XX века.

Для цитирования в научных исследованиях

Китаев С.В., Черницына О.В. Фактор синергетического эффекта при исследовании номенклатуры и парламентской оппозиции в России начала XX века // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 324-329.

Ключевые слова

Парламентская оппозиция, парламентаризм, Первая Государственная Дума, политические партии и фракции, революция, номенклатура, синергетика, точка бифуркации, управляемость системы.

Введение

Россия второй половины XIX – начала XX века была полна противоречий: реакционное замораживание общественного развития, относительная неподвижность социально-политических институтов, внутренний террор почти полностью ликвидировали в стране оппозиционное движение.

Сложность в оценке происходящих процессов, а также необходимость изучения переломных моментов в истории Российского государства, требуют поиска наиболее универсальных методов исследования. По нашему мнению, необходимый результат можно получить через категориальный аппарат синергетики, определив ее потенциал в раскрытии сущности номенклатуры и парламентской оппозиции в России начала XX века.

Борьба политических партий и национальные движения «будто бы специально демонстрируют торжество синергетического мира» [Митина, 1999, 343].

Основная часть

Напомним, что учрежденный в 1905 году для преодоления глубочайшего кризиса первый в стране парламент – Государственная Дума, создаваемый как орган для разработки и обсуждения законопроектов для Государственного Совета и Верховной власти, на практике законодательством почти не занимался, став скорее легальной общероссийской политической трибуной, выразителем общественного мнения.

Характеризуя предпосылки и условия возникновения Государственной Думы Российской империи I созыва, лидер и идеолог меньшевизма Л. Мартов утверждал, что время революционной борьбы для России прошло и дальнейшее завоевание народных прав и улучшение положения народа возможно «парламентским» путем, то есть голосованием в Думе [Мартов, 1917].

Однако появление первых думских законопроектов, которые не воспринимались правительством и правительственных проектов, с которыми не соглашались депутаты, сопровождалось отсутствием обещанной передачи земель крестьянам и налоговых льгот, что порождало народное недовольство. Да и Дума, выбранная народом, при решении земельного вопроса, отказалась разговаривать «съ этимъ самымъ народомъ» [там же].

Роспуск первого в России избранного населением представительного законосовещательного органа – Первой Государственной Думы – обошелся без массовых волнений.

Безусловно, Первая Дума, просуществовавшая всего 72 дня, не предъявила существенных аргументов реальной пользы парламентаризма в России, но заложила основы думского избирательного законодательства, дала первый опыт парламентской деятельности политических партий, выработке способов сотрудничества оппозиционных депутатов при достаточно радикальных политических платформах даже когда «каждая партія по своему понимает те средства, какими надо бороться, и тотъ порядокъ, какимъ надо заменить существующее зло...» [там же]. Кроме того, первый в России парламент, отчетливо выявил очевидный смысл противоположности между правительством и оппозицией, чтобы, как отмечал Р. Дарендорф, «поддерживать жизнь в политическом процессе, разведывать новые пути в противоречиях и дискуссиях и тем самым сохранять творческий характер человеческих обществ» [Дарендорф, 2002, 127].

Множество политических проблем российской внутренней политики начала XX века по-прежнему требовали решения и революционизм, который был существенно ускорен Первой мировой войной, стал доминантой в общественном политическом сознании.

Февральская революция 1917 года осуществила то, чего добивались демократические и либеральные силы российского общества – свержение самодержавия и установление демократической формы правления, поставив российскую буржуазию перед необходимостью учитывать факт существования Советов, профсоюзов, массовых организаций, различных оппозиционных кружков марксистского толка, способствовавших, в конечном итоге, радикализации масс, особенно в городах [Кревельд, 2006, 117]. С позиции синергетического подхода отличительной чертой Февральской революции явилось преобладание внезапно возникших самоорганизационных процессов перерастания порядка в хаос над попытками остановить его путем властной организации.

Сложившейся хаотической ситуацией в стране воспользовались оппозиционные царскому режиму политические силы. По мнению Д.Е. Палатникова, «сработал сущностный механизм отбора социальных альтернатив... (это и парламентская республика, и военная диктатура, и путь крестьянского социализма)». Роль детектора сыграло противоборство партий кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков. Вместе с тем, в виду неспособности выполнить роль детектора, ни одна из этих альтернатив не была реализована» [Палатников, 2009, 22].

24-25 октября 1917 года совершилась Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая буржуазное Временное правительство, и большевики с их дисциплиной и организацией оказались единственной партией, которая пошла навстречу требованиям рабочих и крестьян. Крах надежд на европейскую (особенно германскую) революцию, переход к рынку и товарно-денежному хозяйству (нэп) означал конец «Октября как события» и начало «Октября как эпохи» со своими собственными противоречиями и политическими тупиками [Пантин, 2013, 131]. Нарастающие в российском обществе анархистские и экстремистские тенденции, сопровождающиеся сокращением социальной, электоральной базы политических партий, приводят к возрастанию популярности большевистской партийной идеологии и переходу, в конечном итоге, к власти партии большевиков и образованию однопартийной системы. Все было подчинено сохранению власти партии, которая становилась партией-государством; естественный процесс структуризации российского общества, в том числе, российского парламентаризма, был приостановлен на долгие десятилетия.

Выход из состояния хаоса революции осуществился через нарастание амплитуд хаотических колебаний и превращения одной из них в аттрактор, в качестве которого в октябре 1917 г. выступила партия большевиков [Палатников, 2009, 52]. Большевизм стал новым феноменом, не имевшим ничего общего с российским самодержавием – «новым типом» государства, общества и человека. Большевики обладали доктриной, единством теории и практики, мысли и действия, специфика которых достаточно метко фиксируется М. Геллером в метафоре – «машина и винтики» [Геллер, 1994, 87].

Став правящей, большевистская партия первоначально ориентировалась на отказ от чиновничества. Однако очень скоро выяснилось, что для преодоления острого социально-политического и экономического кризиса, а также овладения ситуацией необходима эффективная система организации власти и управления.

Становление жестко централизованной системы власти происходило на базе партии большевиков, до революционных событий самой являющейся оппозиционной; ее аппарат стал основой новой власти, собирающей сегментированное общество. Причиной этого, в частности, явилось то, что в условиях хаоса, партия большевиков сохранила всероссийскую организацию, что позволило ей выступить готовой основой для формирования структур власти [Китаев, 2009]. Примечательно, что РСДРП из партийной структуры превратилась в орган государственной власти, не приемлющий оппозиции.

Оппозиция, или, по выражению В.П. Макаренко – «контролируемая оппозиция», существовала в этот период развития российской государственности, во-первых, с целью предотвратить удар масс по властно-управленческим структурам, а во-вторых, являясь элементом самоутверждения государства, способствовала желанию иметь «такого противника, уничтожить которого не составляет большого труда» [Макаренко, 2003, 23].

Парламентаризм советского этапа российской истории характеризуется возникновением скорее «квазипарламентских» органов – Советов, с непомерным нарастанием влияния партийного аппарата вместо опоры на партийную массу, с бюрократизацией партийных группировок и объединений, господством партийной элиты и лидеров.

С преодолением кризисных явлений революционного периода, а также периода Гражданской войны, основные черты государственного управления, сложившиеся в первые годы советской власти, были упрочены, образована система отбора, воспитания и проверки управленческих кадров, введена категория номенклатуры.

В условиях острой нехватки образованных кадров, а также в силу специфики территориальной, этнической, социально-экономической структуры государства, номенклатурная система имела несомненные достоинства. Она подчиняла весь госаппарат единым критериям и действовала почти автоматически. Это объясняет высокую эффективность СССР в экстремальных условиях последующей индустриализации и войны.

При этом методы управления обществом, которые использовала номенклатура, являются эффективными исключительно для линейных социально-политических систем, являющихся вполне управляемыми, а значит и подвластными субъекту управления. Однако, с ослаблением системного контроля, в обществе начались самоорганизационные процессы, стали возникать самостоятельные, независимые от государства структуры. До наступления такого момента возможны целенаправленные усилия по сохранению старого порядка. С выходом системы в критическое, бифуркационное состояние как раз и происходит та самоорганизационная перестройка, принципиально не поддающаяся управлению, и результат ее во многом зависит от случайного фактора.

Поэтому, недопущение бифуркационной точки – единственно возможная и допустимая стратегия сохранения управляемости систем.

Заключение

Поскольку социальные структуры в рамках линейной модели мыслятся возникающими в соответствии с замыслом управляющей инстанции, то и исчезать они должны в соответствии с желанием этой же инстанции. Поэтому аппарат репрессий, аппарат насилия является основным инструментом осуществления управления в организационно, линейно управляемых системах. С его ослаблением, возникает хаос, разрушается социальная система, что, в итоге и произошло с Российской империей в начале XX века.

Библиография

1. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994. 336 с.
2. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. 534 с.
3. Китаев С.В. Основные черты большевистского кадрового корпуса в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.) // Научный вестник ВАГС. 2009. Вып. 2. С. 23-27.
4. ван Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
5. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Ростов-на-Дону, 2013. 652 с.
6. Мартов Л. Политические партии в России. М., 1917. 36 с.
7. Митина О.В., Петренко В.П. Синергетическая модель динамики политического сознания // Синергетика и психология. 1999. Выпуск 1. С. 343-344.
8. Палатников Д.Е. Роль социальной синергетики в познании социально-политических явлений: автореф. дис. ... канд. филос., наук. Ярославль, 2009. С. 22.
9. Пантин И.К. К вопросу о характере Октябрьской революции // Полис. 2013. № 6. С. 131-144.

The factor of synergistic effect in the study of the nomenclature and the parliamentary opposition in the turning points of the history of the Russian state

Sergei V. Kitaev

PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department of Public Administration and Political Science,
Volgograd Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
404131, 12-63, Nechaevoi st., Volzhskiy, Russian Federation;
e-mail: kitaevs@mail.ru

Ol'ga V. Chernitsyna

Postgraduate,
Volgograd Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
404131, 12-63, Nechaevoi st., Volzhskiy, Russian Federation;
e-mail: chernicynaov@mail.ru

Abstract

The article discusses the nomenclature and the parliamentary opposition through the prism of turning points inherent in Russia at the beginning of the 20th century. Russia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries was full of contradictions: the reactionary freezing of social development, the relative immobility of social and political institutions, and internal terror almost completely eliminated the opposition movement in the country. The difficulty in assessing the processes taking place, as well as the need to study the turning points in the history of the Russian state, requires the search for the most universal methods for studying this period of Russian history. To identify the degree of impact and change of the phenomena under investigation, the authors use the categorical apparatus of social synergetics. The conclusion is made about preventing a bifurcation point in the period of weakening system control and the beginning of self-organizing

processes, as the only possible strategy for maintaining controllability of systems, preventing the onset of chaotic states. Therefore, the apparatus of repression, the apparatus of violence is the main tool for the implementation of control in organizational, linearly controlled systems. With its weakening, chaos arises; the social system is destroyed, which happened to the Russian Empire at the beginning of the 20th century.

For citation

Kitaev S.V., Chernitsyna O.V. (2018) Faktor sinergeticheskogo effekta pri issledovanii nomenklatury i parlamentskoi oppozitsii v Rossii nachala XX veka [The factor of synergistic effect in the study of the nomenclature and the parliamentary opposition in the turning points of the history of the Russian state]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 324-329.

Keywords

Parliamentary opposition, parliamentarism, First State Duma, political parties and factions, revolution, nomenclature, synergetic, bifurcation point, system controllability.

References

1. van Creveld M. (2006) *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The heyday and decline of the state]. Moscow: IRISEN Publ.
2. Dahrendorf R. (2002) *Tropy iz utopii* [Paths from utopia]. Moscow: Praxis Publ.
3. Geller M. (1994) *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [Machine and screws. The history of the formation of the Soviet man]. Moscow.
4. Kitaev S.V. (2009) Osnovnye cherty bol'shevistskogo kadrovogo korpusa v gody Grazhdanskoi voyny (1918-1920 gg.) [The main features of the Bolshevik personnel corps in the years of the Civil War (1918-1920)]. *Nauchnyi vestnik VAGS* [Volgograd Institute of Management Herald], 2, pp. 23-27.
5. Makarenko V.P. (2013) *Russkaya vlast' i byurokraticheskoe gosudarstvo* [Russian power and bureaucratic state]. Rostov-on-Don.
6. Martov L. (1917) *Politicheskie partii v Rossii* [Political parties in Russia]. Moscow.
7. Mitina O.V., Petrenko V.P. (1999) Sinergeticheskaya model' dinamiki politicheskogo soznaniya [Synergetic model of the dynamics of political consciousness]. *Sinergetika i psikhologiya* [Synergetics and psychology], 1, pp. 343-344.
8. Palatnikov D.E. (2009) *Rol' sotsial'noi sinergetiki v poznanii sotsial'no-politicheskikh yavlenii. Doct. Dis.* [The role of social synergetics in the knowledge of socio-political phenomena. Doct. Dis.]. Yaroslavl.
9. Pantin I.K. (2013) K voprosu o kharaktere Oktyabr'skoi revolyutsii [On the nature of the October revolution]. *Polis*, 6, pp. 131-144.